

подражательницей. Она как раз продолжательница славных традиций вышеупомянутых школ». И еще: «...речь, повторимся, идет не о стилизации, но о своем стиле. Болтянская совершенно самостоятельный поэт со своим мироощущением, излюбленными приемами и, разумеется, со своей интонацией...»

Ермакова не видит явных точек соприкосновения у Болтянской с советскими поэтами, но объясняет, почему же Надежда не была оценена при жизни, в новых реалиях и в свете изменившегося взгляда на литературу. Это и природная скромность поэтессы, выражавшаяся в том, что она не умела и не хотела навязывать кому-то свое творчество, и тяжелая болезнь, из-за которой не было возможности активно участвовать в литературной жизни, ходить на мероприятия и выступать, и просто боязнь получить негативные отзывы в сетевом пространстве. Дело в том, что Болтянская, как человек чрезвычайно ранимый, не заводила аккаунтов в социальных сетях и не публиковала там стихов, поскольку знала уровень культуры общения в Интернете и понимала, что ей не избежать нападков, колкостей, оскорбительных комментариев от неменяемых личностей. Это может показаться странным, учитывая тот факт, что трудно сейчас найти человека, который не имел бы хоть одной странички на том или ином сайте в Сети. Но в книге и подчеркивается, что поэт — существо особое, он живет только по собственным правилам и мало думает о личной выгоде.

В чем же основная идея данной книги? Ермакова объясняет так: *«Наше время, к сожалению, не способствует тому, чтобы народ читал стихи и интересовался новыми именами... Общество потребителей не особо нуждается в духовной пище. Но это не означает, что нужно прекращать разговор о поэзии. Тем более если есть интересные объекты для такого разговора. Эта работа нужна не Болтянской, она нужна прежде всего нам, ценителям и хранителям прекрасного, тем, кто знает цену Слову»*. Здесь особо и не поспоришь. Что ни говори, а от настоящих стихов мы понемногу начинаем отвыкать, часто принимая за них суррогат, разрекламированный и проталкиваемый обросшими мхом «мэтрами». Именно потому и нужны такие книги, в которых непредвзято говорится о современной поэзии, рейтинги которой, увы, давно уже зависят не от читательских предпочтений или мнения независимых экспертов, но от литературных группировок, назначающих гениями и властителями дум людей из своего круга. Доживем ли до той поры, когда поэта будут ценить за его стихи, а не за принадлежность к литературным кланам? Трудно сказать наверняка, но надеяться на это стоит.

Игорь ПАНИН

КНИЖНЫЙ ОСТРОВ

Ирина Чайковская. Афинская школа. СПб.: Алетей, 2017. — 320 с.

Ирина Чайковская, писатель, преподаватель-славист, ныне живущая в США, во время перестройки работала в одной из московских школ, и первые три повести: «Московская баллада», «Убить Мармеладова», «В неведомую глубь» — появились на основе ее личного опыта. «Формально, — поясняет она, — все они касались школы, но только формально, на самом деле речь в них шла о времени и о его сложных коллизиях, ставящих перед людьми — юными и зрелыми — свои трудно-

разрешимые вопросы». Многие проблемы, поднятые в повестях, вневременные. Например, нравы в учительской среде: внутришкольные интриги, система выживания, когда главное — личная преданность авторитарному директору, иначе тебя всегда можно обвинить в профнепригодности, и тогда только два выхода: уйти из школы добровольно, как делают героини И. Чайковской, или по статье. Вникнуть в сложный мир юного человека (а герои повестей — старшекласники), часто нет ни времени, не желания. Непреодолима стена непонимания существует между учителями, даже самыми чуткими, и учениками, между родителями и детьми: потоки их жизней расходятся. У них разное мышление, оценки, тревоги. Непонимание мотивов поведения подростков, неверно истолкованные их поступки, приводят взрослых к неверным выводам, неправильным реакциям, конфликтам. Смутное время перестройки накладывает свой отпечаток на неоформившееся сознание юных. Так, общественные дискуссии времен перестройки: о сталинских репрессиях, о национальном вопросе, о фашизме — находят отражение в дискуссии на уроке, посвященном роману Достоевского «Преступление и наказание». Можно ли убить «вредную» старушку, никчемного пьяницу Мармеладова? Кто-то из школьников «прикалывается», кто-то рассуждает на основе собственного небогатого опыта, поверхностных знаний истории древней и новой. Большинство дает положительный ответ. Рефреном через все три повести проходит «национальная тема» в ее «еврейском варианте»: вспышки антисемитизма в стране, листочки в почтовых ящиках и звонки с угрозами с призывами убраться в Израиль, марши юных «борцов» за «Россию для русских», в которых участвуют и любимые ученики, посягательства на жизнь конкретных людей. «Жуткая картина одичания. Смутное время, непонятное, страшное. И все вокруг говорят: надо бежать. И рада бы бежать, да некуда. Здесь, в этой чудовищной стране, мое все. И во всякой другой — даже благополучной, даже сверхцивилизованной, — будет мне худо, неуютно и чуждо», — размышляет одна из героинь повестей. Вопрос национального самоопределения остро встает перед детьми, узнающими, что у них есть еврейская кровь. И тоскует девочка Оля: «дядя Гриша тоже не прав, что разрешает детям уехать: кто же тогда останется, если все уедут? Я уверена: мы нужны этой стране так же, как она нам. Я не хочу, как те испанские евреи, быть вытолкнутой из страны, оставить родину — и всю последующую жизнь тосковать по ней. Но я не хочу чувствовать себя в моей стране без вины виноватой» («Убить Мармеладова»). Та же проблема встает перед Геней Корсаковым, среди предков которого и русские дворяне, и евреи: «А кто же здесь останется, если я уеду?.. Как мне представить, что я наполовину еврей? Как отделить одну половину от другой, и какая из этих двух половин, двух кровей, лучше? Очень просто: лучше та, в которую не стреляют. Так? А может, наоборот?» («В неведомую глубь»). У взрослых — проблемы отъезда из страны, туда, где будет лучше детям. У детей — параллельная насыщенная жизнь: зарождение юной чистой любви, любовные треугольники, светлые, едва намечающиеся романы и дешевые тусовки, где пьют и занимаются неумелым подростковым сексом во временных пристанищах. В повестях достаточно личных драм, трагических эпизодов, любовных историй. Повести различны по форме. «Московская баллада» — монолог закомплексованной сорокапятилетней учительницы английского языка, вынужденной уйти из школы и занимающейся репетиторством. В повести «Убить Мармеладова» рассказчиками поочередно выступают учителя и дети, высказывающие разные точки зрения на одни и те же события. «В неведомую глубь» — дневник суицидально настроенного подростка, надиктованный им на кассету. Завершает сборник повесть «Афинская школа» (США, 2013). Героиня ее — учительница Кира (та Кира из пер-

вой повести, что вынужденно уехала из России?), преподающая в Америке русский язык на дому. Среди ее учеников люди разные по возрасту, национальностям, судьбам. Связь с первыми повестями, где герои находят испанский след в своих родословных, есть: изгнанные в XV веке из Испании евреи осели в Голландии. Но и там не забыли своей родины, по вечерам сходились и пели испанские романсы, по крупицам собирали древние тексты и издали в Голландии книгу испанских песен-романсеро. Так и героиня И. Чайковской Кира дарит новым согражданам сокровища русской культуры: «Грузинскую песню» Булата Окуджавы, незаконченную поэму Пушкина «Египетские ночи», наследие Каролины Павловой, русские народные песни... Как и сама Ирина Чайковская, главный редактор журнала «Чайка», который постоянно следит за российской литературой и по ту сторону океана.

Александр Долгов. Рижский клуб любителей хронопортации.

Повесть и рассказы. СПб.: Геликон Плюс, 2017. — 320 с., ил.

Фантастическая повесть, где главная сюжетная линия — перемещение во времени с целью спасения Виктора Цоя. Спасателей двое: студент исторического факультета СПбГУ, по совместительству подрабатывающий внештатным корреспондентом в журнале «Fuzz» и страстный поклонник группы Эмерсона ELP рижанин Шульц. Обоим по восемнадцать лет. Правда, оба прибыли в чуждое для них пространство и время и из разных эпох. Первый — из начала XXI века, второй из 70-х годов века прошлого. Рассказ ведется от лица студента, получившего однажды из далекого будущего интернет-послание от самого себя, в котором ему предлагалось совершить прыжок во времени, отправиться в прошлое, в 1990 год, чтобы попытаться спасти Виктора Цоя, погибшего в автокатастрофе, а может быть, и родителей, летевших на сбитом над Черным морем самолете из Израиля в Новосибирск. Даны необходимые инструкции, прописан алгоритм действий. Остроумно, «отправитель на полном серьезе сообщал мне о существовании портала времени, якобы находящегося в мужском туалете ресторана «Рига» в одноименной гостинице одноименного города». Герои книги — музыканты, музыкальные журналисты, фанаты и меломаны, персонажи вымышленные и реальные. Среди реальных: известный рок-н-рольщик по прозвищу Пиночет, человек из ближайшего окружения В. Цоя, поддерживавший отношения с Цоем со времен, когда тот только начал писать свои первые песни и вплоть до самой смерти музыканта. Последний раз он виделся с Цоем 13 июня 1990 года в гримерной перед концертом группы «Кино» на стадионе «Даугава» в Риге; сам Александр Долгов, с 1991-го по 2008 год бессменный главный редактор культового журнала «Fuzz», отправляющий уже в наше время главного героя в командировку в Латвию, чтобы тот, талантливый журналист, толерантно относящийся к разновозрастной рок-музыке, подготовил материал о последних днях Виктора Цоя. И рок-звезда, солист группы ELP Кит Эмерсон, фанатом которой был юный Шульц в 70-е годы и на концерте которого в начале XXI века побывал рассказчик. Основное действие разворачивается в августе 1990-го, события вымышленные переплетаются с реальными. Происходит смешение времен, рассказчику предстоит встретиться не только с Виктором Цоем, но и с молодым отцом, и с самим собой двухлетним, побывать и на последнем концерте Цоя, и на месте его гибели, на злополучном 35-м километре трассы Слока—Талсы, где произошла автокатастрофа. Замечательна Рига разных времен. Начала XXI века: почти безлюдная будничным вечером, но очень опрятная, полная скверов и парков, со зданиями

в стиле модерн на центральных улицах и контрастирующими с ними редкими двухэтажными облупившимися деревянными домами. Рига 1990 года: «город ожил, людей на улицах стало гораздо больше, все куда-то спешили: должно быть, на работу, весело трезвонили трамваи, битком забитые пассажирами, нещадно чадили выхлопными газами неповоротливые „Икарусы“, на дорогах поубавилось легковых машин. И — о чудо! — я не увидел ни одной иномарки. Да, это был гимн отечественному автопрому — сплошные „Волги“, „Жигули“, „Москвичи“...» И Рига средневековая, о которой рассказывает своему спутнику молодой Шульц, будущий историк, уже с юности мечтающий закончить труд автора «Хроник Ливонии» — Генриха Латвийского, личного летописца епископа Альберта. У героев возникает желание совершить прыжок во времени в средневековую Ригу, останавливает одно: как попасть туда, они знают, но вот как выбраться обратно? Будет ли там столь нетривиальный «портал» для путешествий во времени? (Похоже, в планах автора путешествие в средневековую Ригу есть.) Смешение времен — это и знаковые артефакты, «мигрирующие» из эпохи в эпоху: виниловая пластинка с записями группы «Vanilla Fudge», журнал с портретом Виктора Цоя на обложке, фотоаппарат «Полароид», мобильный телефон, МРЗ-плеер; это и метаморфозы с деньгами: рубли, доллары, латы. И через все времена проходит трепетная любовь поклонников рок-н-ролла к своим кумирам, потому что музыка — тоже очень важный герой этой книги. Удалось ли спасти Цоя? Ответ негативный: прошлое изменить невозможно. В книгу также вошли другие произведения автора, ранее не издававшиеся. И снова музыка, рок-н-ролл определяет судьбы героев: женщины, которой не везло с мужчинами, бывшего металлиста, курсанта военно-морского училища, создателя собственной группы «Рифы», ставшего священником.

Александр Раков. Монашеское царство. Письма-откровения. СПб., 2016. — 255 с.

В основе книги переписка двух зрелых людей, очень разных — по избранному служению, жизненному опыту, характеру. Александр Раков — профессиональный журналист и писатель, многолетний редактор всероссийской газеты «Православный Санкт-Петербург» и четырех ее дочерних изданий. На нем — огромный груз ответственности, он в постоянной нервозности: финансовые проблемы газеты, проблемы ее распространения, кадровая текучка, гонения за не понравившуюся кому-то статью. У него — колючий характер, он нетерпим и нетерпелив. Она монахиня, готовая к бесконечному терпению и бережному вниманию, с 1989 года насельница Пюхтицкого женского Успенского монастыря, живущая в строгом и размеренном монастырском ритме, в отсечении своей воли, в благоразумном уклонении от впечатлений внешней жизни и лишних контактов. Пребывание в уникальной «обители любви» и красоты, основанной в 1891 году на месте, где в далеком XVI веке произошло чудесное явление Божией Матери, а затем и иконы Успения, отложило отпечаток на ее мировосприятие, отразилось в ее стихах. «Царицы Небесной избранный удел, // Преддверье небесного рая, // И счастлив, кто здесь помолиться умел, // К иконе святой припадая». Со стихов талантливой поэтессы, посланных в газету и напечатанных там, и началась дружба и переписка, оживленный обмен мыслями и духовными впечатлениями двух столь разных людей. На страницах книги отражены будничные заботы обоих корреспондентов, у каждого немалые. И если редакторские тяготы очевидны, то и монашеские обязанности, послушание не прерываются ни на один час. А. Раков едва ли не в каждом письме рассказывает о своих болезнях, пи-

шет много и о семейных неурядицах. Монахиня Н., согласившаяся на публикацию своих писем, но не благословившая открывать свое имя, о себе пишет скупое, в основном размышляя о проблемах духовных, о смыслах монашества в прошлом и настоящем, о смыслах молитвы, о покаянии, о Боге и путях человека к нему. У ее собеседника сложное отношение к Церкви, к молитве, к посещению храма, к духовникам, к церковнослужителям. «Официальной Церкви ничего не надо, там одна показуха и лизоблюдство, да заигрывание с Западом. По-настоящему горящих православных людей почти нет. Ходим, молимся, пишем что-то, а придет антихристово время, много ли нас останется на Кресте?..» — пишет он. Оба порой критически отзываются о батюшках. Тема актуальная, неоднозначные оценки церковной деятельности и церковников бытуют в общественном сознании. На все сомнения, свои и своего собеседника, монахиня Н. ищет и, пожалуй, находит убедительные ответы. Все люди, и батюшки тоже. «Тоже ведь обычные люди, грешные, разница — что Богу служат, у Престола стоят. А грехи-то у всех есть». И святые имели недостатки, замечает она, без недостатков только Господь. «Церковь прекрасна, она воистину Невеста Христова, — утверждает она. — В любой храм входишь — и удивляешься его красоте. Каждый храм содержит в себе сокровища безценные, каждый храм Дом Божий». Без церкви нет спасения, считает она. Она призывает не трактовать православных христиан узко, в том числе и монахов, отличать схоластические табу от истинного служения Богу. Не страх, но любовь, свободный выбор человека, который предоставляет ему Бог, дает возможность попасть в Царствие Божие. «Здесь, на земле, Господь дает нам полную свободу даже Его, Творца, не признавать. Мы свободны выбрать — и спасение, и погибель. Ничего не стоит Богу всех нас в один миг сделать святыми, но Ему не нужны святые, сделанные насильно. Он любви нашей хочет, нашего сердца, нашего свободного выбора. И жизнь эта — место, где мы выбираем свою вечную участь. Чем мы здесь живем — с тем и туда последуем. Скучно Вам здесь в Церкви стоять — скучно и в Раю будет». «Господь ищет свободного сердца, к Нему повернувшегося, а не мрачное, исковерканное махровым фарисейством подобие веры, в которой духа Божия нет». Рассуждения монахини Н. не абстрактные сентенции, а всегда реакция на конкретные житейские обстоятельства, в ответ на сетования своего собеседника она предлагает православное понимание вопроса. И если сотрудник проворовался, то надо помнить, что человек слаб. «И в каждом круге людей есть свой маленький Иуда, я где-то читала. Это правда. Уж если Господа предали, неужели нас обойдут! Это неизбежно. Вы-то просто сотрудники были, а ведь даже духовных отцов во времена репрессий духовные чада предавали, доносили на них, потом сами же каялись, плакали, тут уж даже не денежный интерес был, а просто непонятно какой». На протяжении всей книги идет «врачевание любовью» (так назвала свою вступительную статью к книге кандидат искусствоведения О. Сокурова), для «пациента» А. Ракова переписка оказалась душевно полезной. Монахиня Н. знает, что «человеку высказаться всегда нужно, а понимальщиков мало, считай, нет», своего собеседника она пытается понять, а не навязать ему свои убеждения. Драгоценный и необходимый опыт труда души и духа, представленный в книге, может оказаться душевно полезным для нашего современника, чей внутренний мир задавлен внешней суетой. «Жизнь непонятная, // Сложная, грешная. // Милостив Бог наш — // Да ближний жесток. // Спи, моя светлая, // Спи, моя нежная. // Трудно у Неба читать между строк» (из «Колыбельной» монахини Н.).

Иван Серов. Записки из чемодана. Тайные дневники первого председателя КГБ, найденные через 25 лет после его смерти. Под ред. с коммент. и примеч. Александра Хинштейна. М.: Просвещение, 2017. — 704 с. (VIP-персоны).

Эта книга вызывает вопросы: фальсификация или нет? Где оригиналы? Мог ли вести тайные дневниковые записи, обнаруженные лишь в 2012 году, один из руководителей НКВД—МВД СССР? А если да, то что утаил едва ли не самый могущественный и информированный человек своего времени? Иван Александрович Серов (1905—1990), парень из вологодской глубинки, мечтал служить в армии. Но после окончания военных учебных заведений и службы в армии неожиданно для себя в феврале 1939 года был направлен в НКВД: после падения Ежова органы испытывали кадровый голод. С этого времени он и ведет свои записи. Меньше чем за год скромный майор артиллерии стал генерал-лейтенантом и наркомом внутренних дел Украинской ССР. Жизнь Серова богата на события и встречи. Он всегда находился в центре того, о чем пишет. Он принимал участие в присоединении Западной Украины и Бессарабии к СССР, в схватках с враждебными поляками и оуновцами. Опыт по «советизации» бывшей польской территории и борьбе с вооруженным подпольем не раз пригодится Серову: в Прибалтике, Польше, на Украине, в послевоенной Германии. Именно он руководил депортацией народов, признанных Сталиным «вражескими»: немцев Поволжья, калмыков, чеченцев, ингушей, крымских татар, карачаевцев. Особых эмоций по этому поводу в его записках нет. Человек своего времени, он привык команды не обсуждать, а выполнять. Современные историки рисуют портрет Серова преимущественно мрачными, негативными красками, в большинстве исследований он предстает узколобым палачом-сталинистом, способным лишь на жестокие расправы. Но история многоцветна. Серов — один из немногих руководителей Лубянки, кто в годы Великой Отечественной войны лично бывал на переднем крае, прорывался из окружения, сам поднимал солдат в атаку, не раз оказывался на волосок от смерти. Выезжал в блокадный Ленинград, в осажденный Сталинград, побывал в знаменитом крымском котле, вырвавшись оттуда под огнем через море. В горах Кавказа лично руководил обороной горных перевалов, нередко заменяя погибших в бою командиров. Во многом именно его усилиями был спасен от сдачи Владикавказ. В своих записках он резко отзывается о некомпетентных и трусливых военачальниках и всегда уважительно о рядовых. На протяжении всей жизни его личным врагом был В. Абакумов, начальник Смерша, а затем и министр государственной безопасности СССР. Нет сведений, что Серов принимал участие в избиениях арестованных, но именно его вмешательство спасло из застенков Лубянки одного из полководцев победы, будущего маршала Мерецкова. Серов — один из инициаторов массовых реабилитаций после смерти Сталина, вместе с Руденко подготовил записку в ЦК с предложением освободить из тюрьмы более 70 генералов, в числе которых были его друзья, боевые генералы. Он сохранял дружеские отношения с маршалом Жуковым до самой смерти последнего, невзирая на опалу Маршала Победы. Был в руководящем составе 1-го Белорусского фронта, с ним дошел до Берлина. Первым нашел сгоревшие тела Гитлера, Евы Браун и Геббельса, участвовал в подписании капитуляции, в Потсдамской конференции, переговорах с союзниками. В Германии занимался формированием новой власти, розыском нацистских преступников и всего, что представляло интерес для оборонной промышленности: ракет, самолетов, радио. Вернувшись в СССР, выполнял сложные хозяйственные задачи. Он сыграл одну из ключевых ролей в венгерских событиях 1956—

1957 годов. Арестовывал Берия, а в июне 1957-го, во время первого заговора против Хрущева, сделал все, чтобы отстоять генсека. Именно при Серове КГБ, которым он руководил с 1954-го по 1958 год, начал превращаться в профессиональную спецслужбу, где главное — не кулаки, а мозги. Наградой за службу стали отставка, а затем и разжалование из генералов, исключение из партии, лишение многочисленных орденов и звания Героя Советского Союза. Наверное, он слишком много знал. Об интригах близкого круга Сталина и Хрущева, о роли самого Хрущева в сталинских чистках, о склоках в верхах, о предательствах. Работа с особым архивом ЦК после ареста Берии, знакомство с «интимной» жизнью членов Политбюро приводили к неутешительным выводам. «Когда читаешь эти записки, то волосы становятся дыбом, как могли так подло поступать руководители страны в отношении своих же товарищей, с которыми годами работали вместе. <Были> записки с Украины за подписью Хрущева такого же характера, видимо, шел в ногу и не хотел отставать. Он пишет всякие гадости о <Косиоре>, Постышеве и других. Такие же записки из Ленинграда от Жданова, что кругом враги, что он борется и просит его поддержать. Нет, я больше не могу писать, нервы не выдерживают. Как можно менять свою совесть за мнительность Сталина. Один сходит с ума, и все его поддерживают». Сопровождая Хрущева в поездках за границу, наблюдая вблизи, Серов разочаровался в человеке, знакомом ему еще по работе на Украине в 1939 году. День за днем он все трезвее и безжалостнее оценивает окружающую его действительность: интриги, наушничество, склоки приближенных к первому лицу государства. Он видел истинную подоплеку разоблачения культа Сталина партийными руководителями, чьи подписи утверждали приговоры к смертной казни в период 1937—1938 годов. Книга, выстроенная в хронологическом порядке, с детективным названием читается как исторический бестселлер.

Пьер Гонно, Александр Лавров. От россов до России: История Восточной Европы (ок. 730—1689)/ Пер. с франц. Некрасова М. Ю., Носовой Е. И. под общей редакцией Гонно П., Лаврова А. С. СПб.: Евразия, 2017. — 816 с.: ил.

Историки-слависты (Париж—Сорбонна) Пьер Гонно и Александр Лавров обобщают материалы исследований по истории Восточной Европы, российских — от до-революционных до новейших времен — и зарубежных. Они рассматривают разные историографические подходы, трактовки современных ученых, и те, что каждому периоду и сюжету давали национальные школы, советская марксистская школа и ее противники. Исходя из постулата «победитель навязывает свою точку зрения», они ищут следы версий и побежденных, противоречащих официальной московской версии: во фрагментах сохранившихся местных летописей, церковных книгах, зарубежных хрониках. Например, во фрагментах летописей сопротивлявшегося Москве почти два века великого княжества Тверского, присоединенных к Москве Ростова и Новгорода. Авторы выявляют раздельное прошлое и различное становление Белоруссии, России и Украины. Они используют археологические наработки, обращаются к рассказам иностранных наблюдателей, советуя относиться к таковым критически. Отстраняясь от любых идеологических догм, рассматривают различные гипотезы, предлагают более или менее правдоподобную реконструкцию того, как могло быть на самом деле. Восточная Европа в данном случае — это русско-европейская равнина: европейская часть России, Украина, Белоруссия, Литва, равноправные, по мнению

авторов, наследники Киевской Руси. Хронологически книга охватывает весь период русского средневековья: от расселения славян и образования древнерусского государства до начала самостоятельного правления Петра I. Рассматриваются все ключевые события российской истории, в том числе отношения с другими наследниками Киевской Руси, с сопредельными странами и народами, дипломатия и войны, территориальный рост. А также политическая система и экономика страны в разные периоды, нестроения, особенности русских бунтов, сословные привилегии и утеснения. И конечно, даны яркие портреты властителей — князей и царей. В книге две части: «Факты», где изложение ведется более-менее традиционно, и «Проблемы», где есть неожиданная постановка вопросов, спорные гипотезы, версии, предположения. Конечно, есть неразрешенная загадка «руси», народа, давшего свое имя новой политической единице — Руси. Момент «упадка» Киевской Руси авторы расценивают как период примечательного динамизма и развития. А так ли уж катастрофично было монгольское нашествие? И был ли разорен Киев? А можно ли считать Новгород русской средневековой республикой? И почему Новгород потерпел поражение в столкновении с Москвой? XVII век: завоевание Украины Москвой или их воссоединение? Одностороннее изъявление украинцами покорности или договор равных партнеров? Мнения русских и украинских историков расходятся. А правда ли, что казаки сыграли важнейшую роль в избрании Михаила Романова на царство? Авторы постоянно сравнивают события русской истории и западноевропейской: проводят параллели между судьбой Новгородского княжества и княжества Прованского; между болезненным разрывом Лондона с папством и более мягким избавлением московского государства от опеки византийской патриархии, не вызвавшим сильного противодействия со стороны духовенства и верующих; между призывами митрополита Макария к борьбе с неверными в Казани и звучавшими когда-то на Западе призывами к крестовому походу. Предложенный вариант русской истории трудно назвать комплиментарным. Можно соглашаться или нет: с тем, что Иван Грозный все-таки убил своего старшего сына; что оценка побед Александра Невского на Неве и на Чудском озере преувеличена; что на каком-то этапе русской Церкви был выгоден русско-татарский симбиоз, союз с «моавитянами» и опрочина времен Ивана Грозного. Что ж, авторы стремились к объективности. А некоторые их выводы таковы. «Киевская Русь» — общее достояние трех народов трех современных стран: Белоруссии, России и Украины, и культура этих трех стран неделима. И сознание единства русских земель, вопреки монгольскому нашествию и литовской экспансии, упрочивали как религиозная и культурная принадлежность, так и экономика, городская и сельская. Во времена московского государства религиозная принадлежность и политическое подданство подразумевали друг друга, и именно конфессиональный аспект сыграл главную роль в принятии решения установить московский протекторат над Украиной. Да, русские многое позаимствовали у Золотой Орды: боевые приемы и методы управления, систему почтовых станций, терпимость к подданным-«язычникам», — но нельзя принимать за чистую монету разговоры о «русском азиатстве». На белорусов, украинцев, русских неизгладимый отпечаток наложило в первую очередь славяно-византийское христианство, которое, в свою очередь, обогатила и Русь. И если «Повесть временных лет» отвечала на фундаментальный вопрос: «Откуда пошла русская земля», то она же, по мнению авторов, и объясняла куда — по дороге христианской веры, на которой ее ждали многочисленные засады и отречения.

Галина Хвостова. За кулисами петровского парадиза, или История скульптуры Летнего сада в XVIII — начале XXI века. СПб.:**Дмитрий Булавин, 2017. — 208 с.: ил.**

Галина Хвостова, на протяжении многих лет главный хранитель фондов и скульптуры Летнего сада, Дворца-музея и Домика Петра I рассказывает об удивительных исторических и художественных метаморфозах Летнего сада и его памятников. Сад, в первую треть XVIII века изобиловавший всякого рода устройствами и «курьезами», утратил свой первоначальный вид во время катастрофического наводнения 1777 года, но уже в конце XVIII века обрел новый облик. Менялось многое: состав статуй, именованья скульптур, их местонахождение. От петровской коллекции начала XVIII века из 150 скульптур к 1913 году осталось 54. Сад пережил катаклизмы XX века: наводнение 1924 года, революции, войны. С самого основания он нуждался в особой заботе. Суровый и непредсказуемый климат Северной Пальмиры: влажность воздуха, перепады температуры оказывали вредное воздействие на мрамор. Плохо влияло и соседство взрослых высоких деревьев: после цветения лип на поверхности мрамора появлялись грибы, микроорганизмы, водоросли, превращаясь в темную корку, они «съедали» верхний авторский слой. Загрязненность атмосферы большого города в XX веке резко усилилась. Многочисленные нелепые и жестокие акты вандализма — обо всех «злодейских» акциях автор пишет подробно — были всегда. Больше всего страдали носы и пальцы, кисти рук, атрибуты статуй. Сегодня никто не может сказать, какой по счету серп держит в правой руке богиня Церера, именно эта специфическая деталь во все времена отламывалась или отбивалась. Г. Хвостова поэтапно — от начала XVIII века до дня сегодняшнего — рассказывает об организации хранения и реставрации скульптур и о тех, кто этим занимался. Об экспериментах хороших и неудачных, об уникальных практиках по спасению скульптур от разрушения камня, их восстановлению и копированию, о плюсах и минусах редких технологий прошлого и дня нынешнего. По роду служебных обязанностей она непосредственно участвовала в уникальной реставрационной эпопее скульптур Летнего сада 2009—2011 годов, и находится в курсе всех споров относительно судьбы мраморных скульптур, в результате которых подлинники обрели постоянное место хранения в Михайловском замке. Знает, как принимались решения и как осуществлялись. Она поименно называет имена зрителей и мастеров, скульпторов, реставраторов, специалистов-музейщиков всех времен, знаменитых и безвестных, отечественных и зарубежных, дополняя их творческие биографии малоизвестными фактами. В. Демут-Малиновский, А. Беляев, А. Тербенев, И. Кузнецов, М. Чижов... Каждый из них внес свой вклад в «починку» и «повновление» фигур, в создание пьедесталов и постаментов, в налаживание сохранности. И по сей день лучший способ сохранять мраморные статуи зимой — деревянные футляры, сменившие первоначальные чехлы из рогожи и циновок, предложенный в XIX веке В. Демут-Малиновским. Футляры стеклянные (опыт XX века) признаны неудачными. Она дает «персональное жизнеописание» знаковых памятников петровской коллекции: истории приобретения статуй, проблемы авторства, «личные переживания» скульптур в пространстве Летнего сада, их символическое значение. «Минерва», один из наиболее распространенных мифологических образов петровского времени, символизировала крепость государства и воинскую доблесть. Самые ранние поступления 1707—1708 годов: «Церера», «Аллегория Красоты», «Нимфа Летнего сада», бюсты Яна Собеского и Марии Казимиры. Признанные в XIX веке «негодными к реставрации», но успешно реставрированные скульптуры

«Аллегория Юности» и «Нереида». Превратности судьбы скульптурной группы «Амур и Психея». Не разу не подвергавшейся реставрации загадочный «Вакх» в виде гермы, обнаруженный в ходе земляных работ в Летнем саду в 1977 году. И конечно, «Аллегория Ништадтского мира. Мир и Победа», посвященная окончанию многолетней Северной войны, скульптурная группа, заказанная самим Петром I и доставленная в Петербург после его смерти. И это единственный мраморный подлинник после реставрации на месте без демонтажа, оставшийся на территории Летнего сада. Колоритны подробности создания и бытования памятника И. Крылову скульптора П. К. Клодта, с натуры воспроизводившего зверюшек на пьедестале; «Чайного домика», редкого памятника деревянного зодчества (архитектор Л. Шарлемань). Г. Хвостова рассказывает и о памятниках, не дошедших до наших дней: «Царь-плотник» (скульптор Л. Бернштам) и серия его двойников в Петербурге в 1910-х годов; часовня Святого благоверного князя Александра Невского в ограде Летнего сада (архитектор Р. Кузьмин). Часовня, построенная в 1866—1867 годах в память спасения Александра II при покушении на него на этом месте, была снесена в советские годы, литературы о ней мало, по малоизвестным документам Г. Хвостова дает не просто описание интерьера, но приводит и список находившихся в часовне образов. Малоизвестных фактов, обращений к малоизвестным темам и документам в книге много, и о многом становится известно впервые.

Публикация подготовлена
Еленой ЗИНОВЬЕВОЙ

Редакция благодарит за предоставленные книги
Книжную Лавку Писателей
(Санкт-Петербург. Невский пр., 66, т. (812) 640-44-06,
www.lavkapisateley.spb.ru)